

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Чжан И. Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня») // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.70604 EDN: ZLAGVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70604

Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня»)

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

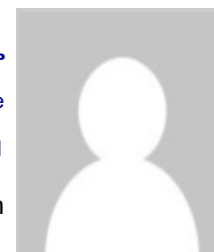

Чжан Ихань

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ 1409280516@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.70604

EDN:

ZLAGVO

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2024

Аннотация: В статье анализируется образ лисы-оборотня, сформировавшийся в дальневосточной мифологической традиции и русифицируемый в рассказах российских авторов – Юрия Мамлеева, Марты Кетро и Дмитрия Воденникова. При этом мотив оборотничества у названных писателей имеет неопределённый характер: с одной

стороны, оборотничество может быть понято у них буквально, с другой – как метафора (например, женской природы или поэтической инаковости). Лисы-оборотни в рассказах «Учитель», «Жена-лисица», «Исповедь китайского лиса-оборотня» помещаются авторами в российский культурно-бытовой контекст 1980-х и нулевых годов XXI века и встраиваются в пространство меняющегося, но неослабевающего русского духовного поиска. В этих произведениях они выступают в роли соприкасающихся с двумя мирами духовных искателей и наставников, устремляющихся к трансцендентной реальности и приоткрывающих её людям. Так, лиса-оборотень Юрия Мамлеева обретает мир вне порождаемой концептуализирующим умом двойственности, героиня Марты Кетро следует по пути героя-воина Карлоса Кастанеды и ищет для себя состояния безупречности, отказываясь от продуцирования наваждений, лис-оборотень Дмитрия Воденникова покидает мир людей, отчаиваясь утвердить свою иноприродную правду. Представленная статья написана в рамках большого исследования, посвящённого «китайскому тексту» современной русской литературы. Помимо указанных произведений в ней упоминаются и некоторые другие отечественные тексты, в которых также присутствует лиса-оборотень. Актуальность представленной статьи определяется активным интересом российского литературоведения к пограничным, межкультурным феноменам, рождающим в конкретных произведениях новые художественные смыслы. Одним из таких феноменов является дальневосточная лиса-оборотень, варианты образа которой в последние годы появляются у большого числа современных русских писателей. Также актуальность статьи обуславливается постоянно расширяющимися в последние годы прямыми и типологическими связями между русской и китайской культурами и литературами. Новизна данной статьи определяется впервые произведённым в ней сравнением между указанными текстами Юрия Мамлеева, Марты Кетро и Дмитрия Воденникова в аспекте различного и одновременно схожего освоения и понимания писателями разных поколений и разных эстетических установок образа дальневосточной лисы-оборотня.

Ключевые слова:

Юрий Мамлеев, Марта Кетро, Дмитрий Воденников, лиса-оборотень, китайская традиция, японская традиция, бестиарность, оборотничество, русификация, трансцендентная реальность

Лиса-оборотень – один из значимых символов дальневосточной мифологии. В её образе воплощается множество смыслов (мировоззренческих, религиозно-мистических, художественных), отражающих одну из составляющих восточного менталитета (см.: [\[1; 2; 3; 4\]](#)).

Свои версии лис-оборотней есть в китайской традиции, это хули-цзин, в японской – кичунэ, в корейской – кумихо, во вьетнамской – хо тинь. Русская литература конца XX века, и в особенности литература новейшая, активно осваивают и русифицируют этот образ. При этом отечественные писатели опираются по большей части на китайскую традицию, у которой есть давно переведённая на русский язык литературная кодификация – сборник новелл Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо», или «Ляо-чжай-чжи-и». Образы хули-цзин представлены в поэзии Е. Шварц (см.: [\[9\]](#)), у В. Пелевина в «Священной книге оборотня» (см.: [\[7; 10\]](#)), в романах «Дело лис-оборотней» Хольма ван Зайчика (псевдоним Игоря Алимова и Вячеслава Рыбакова) и «Лисьи Броды» А. Старобинец, в повести А. Коростелёвой «Цветы корицы, аромат сливы». Одно из

первых обращений к образу лисы-оборотня в русской литературе – это рассказ Ю. В. Мамлеева «Учитель» (1980).

Н. Ю. Кононова в работе «Система метафизических мотивов в рассказах Ю. Мамлеева 1960-1974 годов» в разделе «Образы животных и нечистой силы: репрезентация метафизичности нечеловеческих существ» пишет, что нечеловеческие образы мамлеевской прозы, равно как и мотивы телесности и сумасшествия, связаны у него с раскрытием «метафизического начала человека», направлены на поиск «"мистической ауры", которая есть у каждого живого существа»; в том числе эти образы свидетельствуют, что «действительный мир – это "кажимость"» и что «только с постижением смысла своего земного воплощения возможен выход на уровень высшего Бытия» [\[16, с. 17\]](#). Применительно к рассказу «Учитель» о том же самом говорят Н. Ю. Евтушенко в статье «"Мифологичность" художественной картины мира: образ оборотня-лисы в рассказе Ю. Мамлеева "Учитель"»: «Через мифологический образ лисы-оборотня писатель показывает безграничность Бытия, в котором кроме видимой реальности, существует иная (Абсолют, Постороннее)» [\[11, с. 90\]](#) – и М. В. Яковлев и А. В. Карпенко в статье «Мотив оборотничества в творчестве Ф. М. Достоевского и Ю. В. Мамлеева (на материале рассказов "Крокодил" и "Учитель")»: у Мамлеева лиса-оборотень – «мифическое существо, которому присуще трансцендентальное понимание Абсолюта» [\[21, с. 146\]](#).

Помимо онтологического совпадения образов лисы и крокодила, отмеченного вышеуказанными исследователями, с художественным миром Ф. М. Достоевского мамлеевский рассказ роднит поведенческая и речевая юродивость главного героя, схожего с типом «маленького человека». Эта его юродивость, рождающая мысль одновременно о капитане Снегирёве и капитане Лебядкине, выражается в социальной невстроенности, а также в обилии уменьшительно-ласкательных суффиксов его речи. Отдельно можно обратить внимание на вкрапление в прозаический текст двух стихотворных строк пародийно-гротескного вида: «У деревьев, укрывшись от дождика, рисовали что-то сюрреалистическое два художника» [\[17\]](#), – напоминающих стихотворение из черновиков «Крокодила» «В долину слёз гражданства...» [\[19, с. 221\]](#). Кстати, возможное присутствие Достоевского в рассказе проявляется в самом начале «Учителя» в пейзажной зарисовке: «Катились листья, тучи неслись по небу, как мысли эпилептика» [\[17\]](#). Но, конечно, главное в герое «Учителя» – это его способность к прозреванию инобытия в повседневности: «у меня было странное состояние. Одна его особенность состояла в том, что все, что происходило в мире, имело реальный смысл, как будто обычный покров видимости был сдёрнут» [\[17\]](#).

Встречу с лисой-оборотнем предваряет фиксируемое героем смещение внутренней и внешней реальности. Реальность ощущается им не безусловной, она имеет пессимистическо-онейрический характер: у него была «сонная сосредоточенность на самом себе, точно мира не существовало», сам мир «был какой-то отодвинутый, точно ему надоело существовать» [\[17\]](#). Герой даже сомневается в своём собственном бытии и хочет увидеть себя в зеркале и услышать стук своего сердца. Реальность не безусловна, неслучайно и встреча с лисой-оборотнем происходит у кинотеатра – места, где демонстрируются иллюзии. Мамлеев далее разворачивает эту метафору: возле кино толпились люди («людишки») – желающие получить билет, – но билет, который есть у лисы-оборотня, никому из них не нужен. Люди отвергают его, как Иван Карамазов, что «почтительнейше» [\[8, с. 276\]](#) возвращал Богу свой входной билет в рай. У Толи и Ирины

есть лишний билет, но люди покупали другие лишние билеты. Здесь определение «лишний», как кажется, мерцает двумя значениями: лишние билеты, которые покупают люди, для них лишние, не нужные, так как приведут их на просмотр ещё одной земной иллюзии, лишний билет Толи и Ирины – лишний для них, но на самом деле нужный другим билет в потустороннее. Жизнь людей на земле подобна кружению в тумане: они «кругом сновали», «около» покупали билет; мы «походили как в тумане вокруг людей», «Я огляделся: дамы вокруг не было» [17]. В последней фразе интересен также лексический сбой: лиса-оборотень, «дама с лисичкой» на шее видится герою постоянно пребывающей в движении, кружащей рядом с людьми.

Ирина – оборотень, и её зрение, кроме прочего, двойное: она видит реальность глазами человека и глазами животного: так, она «солнце принимает за ягоду» [17]. Кроме того, её оборотничество проявляется также в грамматике речи: «Подлежащее она употребляет как сказуемое, а сказуемое становится подлежащим» [17]. Но главная особенность её зрения заключается в способности видеть Постороннее «всему Бытию (и даже Небытию)» [17].

Ирина способна влиять на окружающий мир, заражая своим видением и своей природой других. Так, герой, поговорив с Толей и с ней, уходя, «плаксиво проскулил» [17]. При этом нечто оборотническое присутствовало в нём и изначально: одна из его бывших жён считала его оборотнем.

Лиса, ставшая человеком, в лице имеет «что-то лисье», но портретное сходство для героя – не главное: лисьи черты, по его мнению, можно обнаружить и у людей, «особенно у женщин» [17]. «Чудовищный переход» лисы, пойманной под Рязанью, выразился в появлении в её сознании, по-видимому, человеческих мыслей. Но то, что для героя – чудо: «несколько миллионов лет сложнейшей эволюции» [17], то для неё «нелепость» и катастрофа. Концептуализирующее мышление – это, скорее, поражение того, кто связан с потусторонним: у главного героя «тело было лёгкое, родное, словно слипшееся с мыслями», у Ирины же, напротив, «когда появились первые мысли», она «от страха <...> стала лаять на них» [17]. Интеллект заслоняет от человека инобытие: профессор считает метаморфоз героини «пустяками», сосед-врач считает её психопаткой. Ирина же, точнее её бывшее тело, лисья шкура, облегающая её шею, воспринимается героем как «видавшая виды»: фразеологизм здесь может быть прочитан и буквально: лиса-оборотень способна видеть подлинную субстанциональную основу реальности: её «взгляд был немного туповатый <...> субстанциональный» [17]. Последнее определение, впрочем, может быть и ироническим синонимом определения «тяжёлый» (взгляд).

Ирина, подобно, например, китайской лисе-оборотню, вольно или невольно оказывается способна к наведению сексуализирующего морока на человека или к обострению тех страстей, что заложены в человеческой природе. Так, после разговора с ней герой погружает свою душу в туман, чуть позже снова появившийся рядом с ним Толя «хихикнул» в его «плоть», потом и сам герой хехекает, проговаривая желание брака втроём. Но её настоящие намерения иные. Ирина становится учителем для героя рассказа и своего мужа, но её стремление открыть им Постороннее/Потустороннее наталкивается на их неготовность к этому: подобно зрителям возле кинотеатра, они не покупают у неё настоящий «билет» в инобытие и, главное, не стараются его увидеть. Она даже «занялась читать учебник по сопромату» [17]: человеческий материал сопротивляется её учению. В результате мужчины просыпаются кастрированными, а

лиса-оборотень исчезает («ушла она к Отцу своему, вознеслась» [17]). Кастрация делает их умнее, «но только в самом гнусном, карьеристском, направлении» [17]. У них развивается заблуждающийся и порождающий агрессивные и суицидальные мысли ум. Их хихиканье в конце демонстрирует, кроме того, наличие некоего сбоя в этом уме. Они становятся учёными, но от спасения, от обретения трансцендентной реальности, напротив, отдаляются: «...где ты, Учитель наш, сам себя спасший?» [17]. Люди не победили свой концептуализирующий ум и низменную природу и потому остались одни – без божества и вдохновения.

Рассказ Марты Кетро «Жена-лисица» (2009), на первый взгляд, может быть отнесён к любовной или психологической прозе, посвящённой отношениям. Главная героиня рассказа Оленька, приехавшая в Москву из провинции, выходит замуж за богатого, повторяя судьбу «золушки». Однако самое начало первой главы, являющееся вольным ироническим пересказом японской народной сказки «Жена-лисица» [18], вводит в повествование образ лисы-оборотня и проявляет скрытые мысли Оленьки: «Я бегу и бегу – по сухой траве, по чёрной земле, по белому снегу. Позади следы, впереди чистое поле. Однажды, когда я сделаюсь безупречной, я перестану оставлять следы. Оглянусь, а за мною чистое поле» [15]. Эти четыре предложения указывают на концепцию безупречности, разработанную американским писателем и мистиком Карлосом Кастанедой, и заставляют вспомнить о его мысли о непривязанности ищущего к земной реальности. Безупречность в его книгах – это особое психофизическое состояние, при котором человек не испытывает ни чувства важности по отношению к себе, ни чувства жалости и оценивает любой свой поступок через перспективу приближающейся смерти: цель воина состоит «в избавлении от чувства собственной важности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика» [14]; воин «слегка касается» мира, оставаясь в нём ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов» [12]. В рассказе Марты Кетро Карлос Кастанеда упоминается в ироническом контексте: «...посреди типичного кастанедовского трёпа, немного постыдного между людьми за тридцать» [15], – однако эта ирония, скорее, видится вуалированием активного его присутствия в подтексте.

Марта Кетро не называет Оленьку лисой-оборотнем напрямую, однако текст содержит множественные намёки на её лисью природу. Когда Павел обводит цифры телефонного номера, который оставила ему Оленька после первой встречи, он отмечает «заострённые углы семёрки, изящный выгиб единицы и лихой хвост двойки» [15]. Зооморфную графику цифр здесь, наверное, можно счесть и за портрет героини, как минимум «графологический». Героиня переезжает в Москву, и покупает себе «гадную конуру» [15]. Конура – укрытие для собак, но собаки и лисы – ближайшие родственники. Павел покупает ей в Турции рыжий полушубок. Любовник Оленьки Клевер оставляет у неё «серые шерстинки, уносит рыжие» [15]. Окончательно привязавшись к мужу, Оленька, сравнивая себя с лисой и вызывая воспоминания о дальневосточных легендах, думает, что ей «Теперь не уйти незаметно в ночь, разве только отгрызть лапу, попавшую в капкан, как это принято у лисиц, или отрезать рукав халата по обычаю императоров, ну, остричь волосы, говоря по-простому» [15]. Балансируя между метафорой оборотня и реальностью, писательница наделяет Оленьку присущим китунэ даром проникать в мужские сны. Секс-героини с Клевером в рассказе передан через образ сплетающихся хвостов (что, кроме того, отсылает к «Священной книге оборотня» В. О. Пелевина [20], где лиса-оборотень А Хули и волк-оборотень Саша Серый именно таким образом

вступали в любовные отношения).

Оленька, подобно лисе-оборотню, обманывает, и в этом создании красивого и острого обмана она видит свою миссию по расцветиванию жизни: «Вдруг возникает острое желание закрутить реальность особым образом, чтобы получилась сложная изящная конструкция, включающая в себя «то, чего не было», осколки правды и <...> нервную реакцию того, кому обман адресован» [15]. Оленька способна не только к наведению любовного морока, но и автоморока: так, она оказалась она сумела симитировать глубинный стиль писателя Укропова. Также героиня вспоминает историю «Лизы» (Елизаветы) «Дмитриевой», поэтессы Серебряного века, создавшей литературную мистификацию, «личину» – китайского поэта Ли Сян Цзы. И в контексте рассказа в этом имени невольно слышится отзвук слова «лисица». Как и уменьшительной форме имени самой поэтессы – слово «лиса». Китайский мотив проявляется в рассказе также через встроенную в текст и иронизированную через контекст цитату из стихотворения Н. С. Гумилёва «Я верил, я думал...»: «Проснулась от тонкого звона. Немедленно всплыл колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае, но сразу сообразила, что это звук бокалов – парни решили за что-то выпить» [15].

Главный страх Оленьки состоит в том, что её могут увидеть – увидеть её подлинную природу: она боялась «чужих холодных глаз, которые попытаются рассмотреть её, настоящую» [15]. Но в финале рассказа именно это и происходит. Она узнаёт, что о её любовных отношениях с Клевером и о причинах этих отношений давно знает её муж. Как в японской сказке «Монах и лиса», где лиса-оборотень недостаточно умело наводила морок и притворялась красавицей [22], так и в «Жене-лисице» Марты Кетро главная героиня утрачивает власть над людьми. После употребления мескаля (отсылающего к Карлосу Кастанеде) и пробуждения правды, она видит мир безупречным, и рассказ завершается поэтическим, использующим сказочные лексические формулы пассажем, которым он начинался, но теперь готовность к побегу сменяется на его осуществление, а первое лицо оборачивается третьим: героиня «спешила за синие леса, за высокие горы, – никто не замечал маленькое рыжее тело, летящее стрелой и не случилось никого, кто разобрал бы, остаются ли следы на белом снегу» [15].

Как и в начале «Жены-лисицы», так и в конце нет однозначного ответа на вопрос, была ли Оленька лисой-оборотнем, или Марта Кетро описывает в нём определённый женский психотип, метафорически соотносимый с лисой-оборотнем из дальневосточных сказок. Однако любовный сюжет и психологические наблюдения рассказа отодвигаются в сторону историей возможного духовного преображения главной героини. В Примечании 2 к «Жене-лисице» писательница указывает, что история про лису, потерявшую себя в зеркалах и ищущую безупречности («наверное, чтобы не так страшно было отражаться в тысяче зеркал» [15]), история, которую она когда-то прочла в детстве и которая стала одной из основ этого рассказа, для неё не имеет однозначного завершения: она сама не знает, «Обрела рыжая душа покой и безупречность или в страхе бежит до сих пор» [15].

Однако точно можно сказать, что лиса-Оленька стремится к обретению трансцендентной реальности, убегая от людей и, возможно, вообще из земного мира. Говоря о своём поражении, она вспоминает о команде «Умри, лиса», которая в свою очередь напоминает о стихотворении А. А. Витухновской «Умри, лиса». Героиня Витухновской то ли через любовь, то ли через своё убийство передаёт свою природу и свой облик другому: «Перед зеркалом ты рыжий шерстяной, / Словно зверь с чудовищем внутри. / Ты однажды отразишься мной. / Я скажу тебе: "УМРИ, ЛИСА, УМРИ"» [5]. Таким образом,

рассказ «Жена-лисица» может быть прочтён как отказ оборотня от телесной формы и порождаемых им иллюзорных форм с целью достижения кастанедовской свободы, а как сказано в «Силе безмолвия», «билетом мага к свободе является его смерть» [\[13\]](#).

«Исповедь китайского лиса-оборотня» (2008) Д. Б. Воденникова можно назвать рассказом, можно увидеть в этом произведении жанр эссе. Сам же автор вынес в заглавие жанр исповеди, хотя эта исповедь постоянно переходит в инвективу. Герой «Исповеди» – лис-оборотень, но его фантастический облик видится, скорее, метафорой инаковости. Он – альтер эго автора. Неслучайно в конце звучит фраза: «В самый короткий день в году, в день зимнего солнцестояния, мне исполнится сорок лет. И у меня нет сил ждать еще десять, чтобы превратиться в человека» [\[6, с. 208\]](#). Речь, конечно, идёт о самом писателе, которому сорок лет исполнилось именно в 2008 году, когда состоялась первая публикация этого рассказа.

Внутренний сюжет «Исповеди», окантованный цитатами из рассказов Пу Сунлина и «Путешествия на Запад» У Чэньэня и сращённый со стилистикой русской сказки и народных песен, – это взросление лиса-оборотня, у которого постепенно отрастает один хвост за другим. Эти хвосты – метафора опыта множества любовей и разочарований. Лис-оборотень изображается в его отношениях с человеком – с родителями и возлюбленными, из которых никто не желает принимать то, что он другой, не хочет принимать его свободу. «Исповедь»-инвектива показывает обычные человеческие страхи: страх одиночества при утрате любви и страх одиночества при отвержении обществом. Лис-оборотень не боится ни того, ни другого, и потому его возможная любовь предстаёт вольной и чистой.

Лис-оборотень у Воденникова способен к превращениям, созданию иных образов самого себя, но люди умеют создавать образы не хуже – только образы других, а не себя: «...тебя не видят тем, кто ты есть на самом деле, – а придумают какой-то образ и живут с ним» [\[6, с. 204\]](#). Подобный морок порождает предсказуемый и душный человеческий быт, и не лис-оборотень живёт в могиле, как говорится в китайских рассказах о хули-цзин, но люди помещают себя в «любовную могилу» [\[6, с. 199\]](#), в свою нору, у них «За дверьми – хозяйство, укорененность, родня, пёс цепной лает» [\[6, с. 200\]](#).

Герой «Исповеди» в финале отказывается от превращений: «У меня вообще больше нету сил ни в кого превращаться. Ни в мальчика, ни в девочку, ни в женщину, ни в мужчину, ни в говорящего с Небесами, ни в старика, ни в учёного» [\[6, с. 208\]](#). Это перечисление выглядит не только как перечень фантастических образов, доступных оборотням, но и как набор поэтических ролей автора, которые он отвергает. Вспоминая о мифе о лисе, у которой отрастает девять хвостов и мех которой преобразуется, герой «Исповеди» уходит и оставляет своё тело людям: «...давайте считать, что вот эта пыльная грязная тряпочка с девятью хвостами – это мой вам подарок. На шапку. А чё? По-моему, вам идёт» [\[6, с. 208\]](#). Образ «тряпочки» здесь снова вызывает в памяти стихотворение А. А. Витухновской «Умри, лиса»: «Разложи меня как тряпочку в траве, / И скажи: "Умри, лиса, умри"» [\[5\]](#). Лис-оборотень оставляет земной мир, рассыпаясь «в дорожную пыль», становясь «сброшенной мёртвой шкуркой» [\[6, с. 206\]](#), превращаясь в лиса небесного, людям же достаётся лишь грубая материальная пустота, которую можно применить в бытовых нуждах. Иными словами, традиционный конфликт поэта и толпы разрешается в «Исповеди китайского лиса-оборотня» реализацией их разновекторного движения – человек остаётся в земной «норе», лис-оборотень обретает свою трансцендентную реальность.

Итак, в проанализированных рассказах Ю. В. Мамлеева, Марты Кетро, Д. Б. Воденникова центральным является образ лисы (лиса)-оборотня. При этом писатели оставляют вопрос о том, подлинный ли оборотень их герой или оборотничество у них выступает лишь в качестве метафоры пограничного статуса, состояния героя, до конца не прояснённым.

В каждом из произведений этот персонаж дальневосточной мифологии, сохраняя некоторые свои традиционные черты и цели, оказывается вписан в современный автору контекст – коммунальную советскую жизнь 1980-х гг. или российскую конsumerную реальность нулевых годов, русифицирован.

Образ лисы-оборотня у них – это образ героя, который благодаря своей инверсированной природе обладает способностью соприкосновения с инореальностью. Можно сказать, что герои «Учителя», «Жены-лисицы», «Исповеди китайского лиса-оборотня» являются в той или иной степени духовными искателями, устремляющимися к трансцендентной реальности, и одновременно открывателями-проводниками этой реальности для людей, с которыми они находятся в отношениях.

Героиня рассказа Юрия Мамлеева учит тому, как обрести «Постороннее», через отказ от интеллектуализма и концептуализирующего мышления, а также через отказ от телесных желаний. Героиня Марты Кетро ищет безупречности в кастанедовском понимании этого слова и возможности избавления от своей оборотнической природы, склонной к порождению хотя и эстетичных, но опасных фантомов. Герой «Исповеди китайского лиса-оборотня», чувствуя и осознавая свою инаковость, отчаиваясь от невозможности сказать правду, порывает связи с миром обычных людей.

Библиография

1. Александрова Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 230-234.
2. Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М.: Художественная литература, 1988. 559 с.
3. Алимов И. А. Китайский культ лисы // Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 282 с.
4. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
5. Витухновская А. А. Умри, лиса. URL: <https://a-vituhnovskaya.livejournal.com/521558.html> (дата обращения 21.03.2024).
6. Воденников Д. Б. Исповедь китайского лиса-оборотня // Воденников в прозе. Лучшие эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 384 с. С. 198-208.
7. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Л.: Наука, 1991. 696 с.
9. Дубаков, Л. В., Го Вэньцзин. Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц / Л. В. Дубаков, В. Го // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3(13). С. 81-94.
10. Дубаков Л. В., Го Вэньцзин. Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. 2023. № 8. С. 1-11.
11. Евтушенко Н. Ю. "Мифологичность" художественной картины мира: Образ оборотня-лисы в рассказе Ю. Мамлеева "Учитель" / Н. Ю. Евтушенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-1(1). С. 88-90.

12. Кастанеда К. Колесо времени. URL: <http://www.eunet.lv/library/win/KASTANEDA/kast11.txt> (дата обращения 21.03.2024).
13. Кастанеда К. Сила безмолвия. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/34929/ogl.shtml> (дата обращения 21.03.2024).
14. Кастанеда К. Сказки о силе. URL: <http://tallinn.cold-time.com/texts/BOOKS/KASTANEDA/kast4.txt.htm> (дата обращения 21.03.2024).
15. Кетро М. Жена-лисица. URL: <https://fb2.top/lisyya-chestnosty-237261/read> (дата обращения 21.03.2024).
16. Кононова Н. Ю. Система метафизических мотивов в рассказах Ю. Мамлеева 1960–1974 годов: специальность 10.01.01 "Русская литература": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кононова Надежда Юрьевна. Ставрополь, 2009. 20 с.
17. Мамлеев Ю. В. Учитель // Собрание сочинений / Сост., подгот. текста и коммент.: Е. А. Горный. Русская виртуальная библиотека, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/01prose/2stories/2centre/50.htm?ysclid=lu02oq7hx792088111> (дата обращения 21.03.2024).
18. Маркова В. Н. Веер молодости. Японские сказки. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 303 с.
19. Новиков Вл. И. Книга о пародии. М.: Советский писатель, 1989. 544 с.
20. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: Роман. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 384 с.
21. Яковлев М. В., Карпенко А. В. Мотив оборотничества в творчестве Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева (на материале рассказов "Крокодил" и "Учитель") / М. В. Яковлев, А. В. Карпенко // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 2. С. 142-147.
22. Японские сказки / перевод с японского [В. Марковой и Б. Бейко; предисл. В. Марковой]. М.: Гослитиздат, 1958. 215 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблемный вектор рецензируемой статьи касается оборотничества. Автор останавливается на данной номинации как способе обретения трансцендентной реальности. Думаю, что указанный вариант вполне имеет место быть и может быть рассмотрен в рамках отдельного / частного исследования. Новизне работе придает выбранный литературный ряд – это на рассказы Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня». Набор, на первый взгляд, разнороден, но и в такой версии может быть проведено сопоставление, ибо тематически тексты смежны. Суждения автора имеют наукообразный вид, работа подчинена полновесному раскрытию темы: например, «Свои версии лис-оборотней есть в китайской традиции, это хули-цзин, в японской – кичунэ, в корейской – кумихо, во вьетнамской – хо тинь. Русская литература конца XX века, и в особенности литература новейшая, активно осваивают и русифицируют этот образ. При этом отечественные писатели опираются по большей части на китайскую традицию, у которой есть давно переведённая на русский язык литературная кодификация – сборник новелл Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо», или «Ляо-чжай-чжи-и», или «Помимо онтологического совпадения образов лисы и крокодила, отмеченного вышеуказанными исследователями, с художественным миром Ф. М. Достоевского

мамлеевский рассказ роднит поведенческая и речевая юродивость главного героя, схожего с типом «маленького человека». Эта его юродивость, рождающая мысль одновременно о капитане Снегирёве и капитане Лебядкине, выражается в социальной невстроенности, а также в обилии уменьшительно-ласкательных суффиксов его речи», или «Лиса, ставшая человеком, в лице имеет «что-то лисье», но портретное сходство для героя – не главное: лисьи черты, по его мнению, можно обнаружить и у людей, «особенно у женщин». «Чудовищный переход» лисы, пойманной под Рязанью, выразился в появлении в её сознании, по-видимому, человеческих мыслей. Но то, что для героя – чудо: «несколько миллионов лет сложнейшей эволюции», то для неё «нелепость» и катастрофа. Концептуализирующее мышление – это, скорее, поражение того, кто связан с потусторонним: у главного героя «тело было лёгкое, родное, словно слипшееся с мыслями», у Ирины же, напротив, «когда появились первые мысли», она «от страха <...> стала лаять на них» и т.д. Рассказы, выбранные в качестве литературной основы, в статье рассматриваются пропорционально. Фактор сопоставлений не исключается, что является существенным для научного труда. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «рассказ Марты Кетро «Жена-лисица» (2009), на первый взгляд, может быть отнесён к любовной или психологической прозе, посвящённой отношениям. Главная героиня рассказа Оленька, приехавшая в Москву из провинции, выходит замуж за богатого, повторяя судьбу «золушки». Однако самое начало первой главы, являющееся вольным ироническим пересказом японской народной сказки «Жена-лисица», вводит в повествование образ лисы-оборотня и проявляет скрытые мысли Оленьки: «Я бегу и бегу – по сухой траве, по чёрной земле, по белому снегу. Позади следы, впереди чистое поле. Однажды, когда я сделаюсь безупречной, я перестану оставлять следы. Оглянусь, а за мною чистое поле», или ««Исповедь китайского лиса-оборотня» (2008) Д. Б. Воденникова можно назвать рассказом, можно увидеть в этом произведении жанр эссе. Сам же автор вынес в заглавие жанр исповеди, хотя эта исповедь постоянно переходит в инвективу. Герой «Исповеди» – лис-оборотень, но его фантастический облик видится, скорее, метафорой инаковости. Он – альтер эго автора. Неслучайно в конце звучит фраза: «В самый короткий день в году, в день зимнего солнцестояния, мне исполнится сорок лет. И у меня нет сил ждать еще десять, чтобы превратиться в человека» и т.д. Цитации вводятся с учетом стандарта издания. Фактические недочеты не выявлены, объективность суждений налична. Работа имеет явный практический характер, ее можно считать неким образчиком в ритме написания статей смежной тематической направленности. Удачно, что в статье есть как итоговые выводы, так и промежуточные: «Итак, в проанализированных рассказах Ю. В. Мамлеева, Марты Кетро, Д. Б. Воденникова центральным является образ лисы (лиса)-оборотня. При этом писатели оставляют вопрос о том, подлинный ли оборотень их герой или оборотничество у них выступает лишь в качестве метафоры пограничного статуса, состояния героя, до конца не прояснённым». Можно подтвердить цельность работы, ее самостоятельность; материал, действительно, удачно скомпонован, он оригинален и может быть полезен при изучении гуманитарных дисциплин (истории русской и зарубежной литературы). Список источников разнороден, что явно положительно, хронологическая сегментация выдержана. Рекомендую статью «Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня»)» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».